

САМОЕ ЗНАМЕНИТОЕ СЛОВО СЕПТУАГИНТЫ*

В статье рассматривается «самое знаменитое слово Септуагинты» (J. Barr) – παρθένος как перевод евр. פָּרְזָה в Исайя 7:14. Автор согласен с теми, кто считает, что семантическая различие между двумя словами было сильно преувеличено в ходе двухтысячелетней иудео-христианской полемики.

Модель лексического анализа, основанного на «теории прототипов» (Элеонора Рош и др.), представляется более подходящей для анализа семантических отношений перевода и оригинала, чем традиционная модель лексического анализа. В статье предпринимается попытка продемонстрировать, что прототипические значения евр. פָּרְזָה и греч. παρθένος практически идентичны.

Используя старый греческий перевод Пятикнижия как своего рода «еврейско-греческий словарь», переводчик Исайи должен был сделать выбор между двумя греческими соответствиями для евр. פָּרְזָה : παρθένος и νεάνις. Исследуются факторы, которые могли повлиять на его выбор. Возможно, слово νεάνις было отвергнуто из-за свойственного ему оттенка «служанка». В свою очередь, выбор слова παρθένος, по-видимому, повлиял на передачу еврейских глагольных форм в греческом переводе Исайя 7: 14.

Ключевые слова: Библия, Септуагинта, еврейский язык, греческий язык, перевод, Исайя, евангелие от Матфея.

«Самым знаменитым словом Септуагинты» назвал Джеймс Барр (Barr 2005) παρθένος из седьмой главы Исайи: ἰδοὺ ἡ παρθένος ἐν γαστρὶ ἔξει καὶ τέξεται υἱόν καὶ καλέσει τὸ ὄνομα αὐτοῦ Ἐμμανουήλ («Се, Дева во чреве зачнет и родит сына и ты дашь ему имя Эммануэл», Ис 7: 14). Знаменитым оно стало благодаря тому, что евангелист Матфей процитировал этот стих Исайи практически без изменений, говоря о рождении Иисуса Христа: τοῦτο δὲ ὅλον γέγονεν ἵνα πληρωθῇ τὸ ῥηθὲν ὑπὸ κυρίου διὰ τοῦ προφήτου λέγοντος ἰδοὺ ἡ παρθένος ἐν γαστρὶ ἔξει καὶ τέξεται υἱόν, καὶ καλέσουσιν τὸ ὄνομα αὐτοῦ Ἐμμανουήλ, ὃ ἐστὶν μεθερμηνευόμενον μεθ' ἡμῶν ὁ θεός («Все это произошло, чтобы исполнилось сказанное Господом чрез пророка: Се, Дева во

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ («Переинтерпретация религиозных концептов еврейской Библии в греческом переводе («Септуагинте»)), проект № 14-01-00448).

чреве зачат и родит сына и дадут ему имя Эммануэл», Мф 1: 22–23).

Греческому *παρθένος* в масоретском тексте Ис 7: 14 соответствует еврейское *תַּלְמִידָה* – слово, которое обычно передается в Септуагинте как *νεῦνις* «юная женщина», «служанка». Аквила, Симмах и Феодотион в своих ревизиях Септуагинты поправили в Ис 7: 14 *παρθένος* на *νεῦνις* (не исключено, впрочем, что такое чтение появилось в греческих текстах задолго до Аквилы: благодаря кумранским находкам мы знаем, что правка текста Септуагинты, приближающая ее к протомасоретскому тексту, началась еще до н. э.).

Столкнувшись с переводом *νεῦνις* в рукописях, которыми пользовались грекоязычные иудеи, христианские апологеты обвинили их в преднамеренном антихристианском искажении текста Септуагинты (впервые – Иустин Философ в середине 2 в. н. э.). Иудеи отвечали, что христиане в своей Библии неверно перевели слово *תַּלְמִידָה*. Уже в Новое Время некоторые христианские богословы, познакомившиеся с еврейским языком, предположили, что еврейский текст Ис 7: 14 первоначально содержал не слово *תַּלְמִידָה*, а слово *תַּלְמִידָה* ('дева'; таков наиболее распространенный эквивалент *παρθένος* в Септуагинте), и что раввины в целях антихристианской полемики не только в греческой Библии заменили *παρθένος* на *νεῦνις*, но в даже и в самом еврейском тексте поменяли *תַּלְמִידָה* 'дева' на *תַּלְמִידָה* 'молодая женщина'. Литература по «самому известному слову Септуагинты» стала поистине необозримой.

Спор о том, исказили раввины еврейский текст, или нет, был решен в середине двадцатого века находкой в Кумране еврейского свитка Исаяи (QIsa^a) с чтением *תַּלְמִידָה*. Свиток датируется Э. Товом, с учетом палеографического анализа, 150–125 гг. до н. э. (Тов 2008. Р. 42–56), а на основании радиоуглеродного анализа – 335–122 гг. до н. э. (Jull et al. 1995. Р. 11–19) либо 199–120 гг. до н. э. (Bonani et al. 1991. Р. 27–32.) Таким образом, гипотетическая антихристианская замена в еврейском тексте должна быть отнесена за столетие с лишним до возникновения христианства, – что представляется абсурдным.

Теоретически, поскольку все дошедшие до нас рукописи Септуагинты, содержащие Ис 7: 14, относятся уже к христианской эпохе, можно было бы предположить обратное: что в первоначальном тексте Септуагинты стояло *νεῦνις* (как у Аквилы, Симмаха и Феодотиона), а перед автором евангелия от

Матфея лежала какая-то позднейшая редакция этого текста. Однако, насколько мне известно, такое предположение не выдвигалось ни одним серьезным текстологом: во-первых, все древние источники сходятся в том, что Септуагинта читает *παρθένος*; во-вторых, непонятно, кто и зачем стал бы менять *παρθένος* на *παρθένος* до использования соответствующей цитаты в евангелии от Матфея.

Так почему же, все-таки, евр. *תַּלְמִיד* в Септуагинте Ис 7: 14 передано греч. *παρθένος*?

Некоторые исследователи предполагают, что в египетско-эллинистическом контексте перевода существовало представление о девственном рождении героя-спасителя и что это представление могло повлиять на греческий вариант Ис 7:14 (напр., Rösel 1991). Другие исходят из того, что переводчики понимали женский образ в Ис 7: 14 метафорически – как указание на Иерусалим, «Деву-Сион» (напр., Lust 2004).

Но, быть может, острота этого вопроса обусловлена прежде всего наследием двухтысячелетней религиозной полемики, – а на самом деле евр. *תַּלְמִיד* и греч. *παρθένος* не так уж далеки друг от друга по смыслу? Такова точка зрения, в частности, Bar 2005, Aejmelaeus 2006, De Sousa 2008. Вглядимся пристальнее в реальное словоупотребление, а не в то, которое кочует из апологетических работ в антиапологетические и обратно.

Евр. *תַּלְמִיד*

Слово *תַּלְמִיד* встречается в Библии семь раз¹.

(1) Первый раз – в Быт 24: 43–44. Авраамов раб, ищущий невесту для Исаака, говорит: «Вот я стою у колодца с водой. Если сюда придет девушка (*תַּלְמִיד*, греч. *παρθένος*) за водой, и я ей скажу: «Дай мне попить немного воды из твоего кувшина», а она ответит мне: «Пей. А я начерпаю воды для твоих верблюдов», – значит, это именно та, кого Господь назначил в жены сыну господина моего»².

¹ Мы исключаем из рассмотрения Пс 45/46:1 и 1 Пар 15:20, где встречается неясный музыкальный термин *תַּלְמִיד* – скорее всего, указание либо на напев, либо на характер музыкального сопровождения.

² Переводы древних текстов, если иначе не оговорено, принадлежат автору статьи.

(2) В Исх 2: 8 словом מַלְּוּ названа служанка дочери фараона: «Дочь фараона сказала ей: “Сходи”. Девушка (מַלְּוּ , греч. $\nu\epsilon\acute{\alpha}\nu\iota\varsigma$) пошла и позвала мать ребенка».

(3) В Песни Песней 1: 3 девицы (לִמְלָוָה , $\nu\epsilon\acute{\alpha}\nu\iota\delta\epsilon\varsigma$) любят возлюбленного главной героини.

(4) В Песнь Песней 6: 8 лирический герой подчеркивает уникальность своей возлюбленной на фоне сотен других женщин: «Шестьдесят цариц, восемьдесят наложниц, девочек (לִמְלָוָה , $\nu\epsilon\acute{\alpha}\nu\iota\delta\epsilon\varsigma$) без числа. Одна она, голубка моя, прекрасная моя...»

Возможны два понимания этого места. В одном понимании лирический герой (легендарный Соломон) обозревает свой гарем, в который входят женщины со статусом царицы, женщины со статусом наложницы (это тоже юридический статус, отличающийся от статуса царицы, в частности, правами детей) и простые «девчонки» для царской забавы. В другом понимании «девчонки» не принадлежат гарему, а просто украшают собой окружающий мир (в этом случае разумно предположить, что они остаются, как и положено в традиционном обществе, девственницами до брака). Так или иначе, смысл стиха в том, что на фоне всех женщин, и гарема, и окружающего мира, возлюбленная лирического героя – единственная и неповторимая.

(5) Псалом 67/68: 26. Описание торжественного шествия: «впереди шли певцы, позади музыканты с лирами, среди них – девы (לִמְלָוָה , $\nu\epsilon\acute{\alpha}\nu\iota\delta\epsilon\varsigma$), бьющие в бубен».

(6) Притчи 30: 19. Список вещей, недоступных пониманию автора (пути, не оставляющие следов): «путь орла в небе, путь змея на скале, путь корабля в море, путь мужчины к девице (מַלְּוּ)».

Греческий текст Притч 30:19 не соответствует еврейскому: $\acute{\iota}\chi\theta\upsilon\sigma\acute{\iota}\varsigma \acute{\alpha}\gamma\epsilon\tau\acute{o}\upsilon \pi\epsilon\tau\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\upsilon \kappa\alpha\iota \acute{o}\delta\omicron\upsilon\varsigma \acute{o}\phi\epsilon\omega\varsigma \acute{\epsilon}\pi\iota \pi\acute{\epsilon}\tau\rho\alpha\varsigma \kappa\alpha\iota \tau\rho\acute{\iota}\beta\omicron\upsilon\varsigma \nu\eta\acute{o}\varsigma \pi\omicron\nu\tau\omicron\pi\omicron\rho\omicron\upsilon\sigma\eta\varsigma \kappa\alpha\iota \acute{o}\delta\omicron\upsilon\varsigma \acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\iota}\varsigma \acute{\epsilon}\nu \nu\epsilon\acute{o}\tau\eta\tau\iota$ («следы орла летящего, пути змеи на скале, дороги корабля, плывущего в море и пути мужчины в юности»).

Семь контекстов – это не много. Можно сказать, что מַלְּוּ – нечастое слово в еврейской Библии. Дополнительный свет на его значение может пролить употребление однокоренных слов в еврейском и родственных ему северо-западных семитских языках. Слово מַלְּוּ связано с מַלְּוּ ‘отрок, слуга’ (в Библии дважды: 1 Сам 17: 56, 20: 22). От того же корня произведено абстрактное существительное מַלְּוּת , обычно означающее ‘юность’, ‘моло-

дость', 'молодая сила' (Иов 20: 11, Иов 33: 25, Пс 89/88: 46). По-видимому, однако, применительно к женщине это слово могло также ассоциироваться с бездетностью (так сказать, «еще не ставшая в полном смысле слова женщиной»). Такие коннотации выступают на первый план в Ис 54: 1–6, где Израиль персонифицирован как жена, отвергнутая мужем-Богом (обычная топи́ка Ветхого Завета, начиная с книги Осии). Этой оставленной жене возвещается, что более она не будет отвергнутой и бездетной: она забудет «позор своей юности» (עֲלוּמֵי, вероятно, юность здесь равна бездетности) и «бесславию своего вдовства» (вдовство здесь, вероятно, равно оставленности). Таким образом, по крайней мере в метафорических контекстах, слово עֲלוּמֵ может применяться по отношению к женщине замужней, но бездетной.

В арамейских диалектах слова данного корня намного более частотны, чем в еврейском. Так, форма мужского рода אַלְמֵ встречается свыше 30 раз в таргуме Онкелоса к Пятикнижию в значении 'молодой человек, мальчик, слуга'; форма женского рода אַלְמֵ – чуть менее 30 раз в значении 'молодая женщина, девочка, служанка'. Чаще всего речь идет о молодой незамужней девушке – но не обязательно. Например, в таргуме Втор 22: 15–29 арамейский אַלְמֵ несколько раз употребляется применительно к новобрачной, оклеветанной своим супругом после брачной ночи. В западносемитской эпиграфике слово *ʾlmh* обозначает преимущественно служанок или рабынь³, в арамейской части Пальмирского пошлинного тарифа אַלְמֵ означает гетер⁴.

В целом можно сказать, что в древних северо-западных семитских языках слова корня *ʾlm* (этимологически *glm*) ассоциируются прежде всего с молодым возрастом и (не всегда, но как правило) – незамужним статусом.

По-видимому, «прототипическая» евр. אַלְמֵ – это женщина молодая, незамужняя и бездетная. По законам патриархального общества незамужней женщине полагается быть девственницей

³ DNWSI, P. 854–855.

⁴ Арамейский текст с английским переводом см. Cooke 1903: 330; текст 147, iis, строки 26–29. Хофтайзер и Йонгелинг (DNWSI, P. 855) предлагают для этого места перевод “prostitute”, но утверждает, что Кук понимал это место иначе. На самом деле из контекста понятно, что Кук понимал его в точности так же, как Хофтайзер и Йонгелинг. На русском ср. Шифман 1980, стр. 104, 119, 123 («гетера»).

(впрочем, неясно, так это или нет в Песнь Песней 6: 8 или Притчи 30: 19).

Греч. παρθένος

Полемисты – как утверждающие авторитет Септуагинты, так и обвиняющие ее в неверном переводе – исходят из того, что греч. παρθένος означает «девственница» и не может применяться к женщине, «познавшей мужа». Однако даже беглый взгляд на реальное употребление слова παρθένος в классической греческой литературе показывает, что это не так.

(1) Гомер, Илиада, II, 511–115. *Кто Аспledoном владел и кто жил в Орхомене минийском, – Этих веди за собой Аскалаф и брат его Ялмен; их родила Астиоха, в доме Азеида Актора, дева стыдливая* (οὗς τέκεν Ἀστυόχη δόμῳ Ἄκτορος Ἀζείδαο παρθένος αἰδοίη), *наверх поднявшись в покой свой высокий, богу Аресу, ее посетившему тайно в постели* (пер. В. В. Вересаева).

(2) Пиндар. Вторая пифийская ода. Коронида, зачавшая от Аполлона, отдалась Исхию. Аполлон посылает сестру, Артемиду, отомстить неверной.

Узнав о нечестивом обмане, о близости с Исхием, сыном Элата, послал он единокровную, кипящую неборимым гневом сестру в Лакерию, – там дева жила у крутизн бебиадских (ἐπεὶ παρὰ Βοιβιάδος κρημνοῖσιν ἕκει παρθένος) (перевод Г. Стариковского).

(3) Софокл. Трахинянки. Геракл: *Ты, верно, знаешь деву, дочь Еврита* (τῆν Εὐρυτείαν οἴσθα δῆτα παρθένον)? Гилл: *Иолу разумеешь ты, отец?* Геракл: *Ты угадал. Вот завещанье, сын: Когда умру, – коль хочешь уваженье мне доказать и клятву соблюсти, – женись на ней, послушайся меня, – чтобы ее, лежащую с отцом, никто не звал женою, кроме сына. Мой брак ты унаследуешь.* (Пер. С. В. Шервинского)

Ни Астиоха, родившая ребенка от бога Ареса, ни Коронида, зачавшая от Аполлона и отдавшаяся Исхию, ни Иола, наложница Геракла, никак не могут быть названы девственницами.

Родриго де Соуза в обстоятельной работе, посвященной Иса 7: 14⁵, обращает внимание также на функционирование в классическом греческом языке производных от слова παρθένος,

⁵ В анализе греческих представлений о девственности Де Соуза опирается, в частности, на работу Sissa 1990.

которые ассоциируются не с девственностью, а с внебрачным рождением ребенка: παρθένιος, παρθενίαις, παρθένευμα.

(4) Гомер, Илиада XVI, 179–183. *Строй второй предводил ратоводец воинственный Эвдор, девой рожденный (παρθένιος); его Полимела, прелестная в плясках Филаса дочь, родила: пленился веселою девой Гермес бессмертный, увидевший в хоре ее сладкогласном пляшущей в праздник Фебеи, богини ловитв златострелой* (пер. Н. И. Гнедича)

(5) Еврипид, Ион, 1472. Ион – Креусе: *Горе мне! Так ты родила меня бастардом, отродьем своего девичества (ᾧμοι νόθον με παρθένευμ' ἔτικτε σόν)?*

(6) Страбон (География, VI, III, 2–3) приводит два рассказа о происхождении спартанских «парфениев» (παρθενίαις).

Первый рассказ (География, VI, III, 2, со ссылкой на Антиоха Сиракузского) гласит: *После начала Мессенской войны лакедемоняне объявили тех, кто не участвовал в походе, рабами и назвали их илотами; всех детей, родившихся во время войны, они назвали “парфениями” и объявили лишенными гражданских прав (ἄσοις δὲ κατὰ τὴν στρατείαν παῖδες ἐγένοντο, Παρθενίαις ἐκάλουν καὶ ἀτίμους ἔκριναν).*

Второй рассказ (География, VI, III, 3, со ссылкой на Эфора) дает несколько иную версию: *Лакедемоняне принесли клятву не возвращаться домой, пока не овладеют Мессеной или все не падут в бою. Отправляясь в поход, они оставили самых молодых из граждан и глубоких стариков для охраны города. Впоследствии... лакедемоняне, стремясь соблюсти клятву, но приняв к сердцу доводы женщин, посылают самых сильных и молодых воинов, что были в войске (они знали, что эти молодые войны не связаны клятвой, потому что были еще детьми, когда выступили в поход вместе с людьми, уже достигшими возмужалости)... Они приказали всем им сойтись со всеми девушками (προσέταξαν δὲ συγγίνεσθαι ταῖς παρθένοις ἀπ᾿ αἰσῶν ἄπαντας), считая, что таким образом те будут иметь гораздо больше детей. После того как это приказание было исполнено, новорожденные дети получили имя парфениев (οἱ μὲν παῖδες ὀνομάσθησαν Παρθενίαι)... Лакедемоняне разделили между собой Мессению, но по возвращении домой не дали парфениям одинаковых с остальными гражданских прав, как рожденным*

вне брака (τοὺς Παρθενίας οὐχ ὁμοίως τοῖς ἄλλοις ἐτίμων ὡς οὐκ ἐκ γάμου γεγονότας)⁶.

Независимо от того, какова была реальная история Спарты (возможно, перед нами своего рода этиологические легенды)⁷, очевидно, что термин Παρθενία звучал для спартанцев презрительно, примерно как «незаконнорожденные».

Несомненно при этом, что в корпусе древнегреческой литературы преобладают примеры, в которых слово παρθένος и производные от него употреблены именно для того, чтобы подчеркнуть девственность, девственную чистоту. В особенности это касается частого слова παρθενία («девственность, сексуальная нетронутость»).

Таким образом, прототипическая παρθένος молода, не замужем и девственница. Примеров употребления слова παρθένος по отношению к замужней женщине у нас нет, в этом отличие, скажем, от арамейского קַדְמוּנִיָּהּ. Примеры, где слово παρθένος может означать незамужнюю не-девственницу, хотя и редко, но встречаются.

Впрочем, все эти примеры, как мы видели, относятся к эпосу, классической драме или древней истории. Показательно сравнить два словаря. Словарь классического греческого (LSJ) выделяет, как отдельное (второе) значение слова παρθένος: «of unmarried women who are not virgins» – и дает ссылки на процитированные выше места (1–3). В то же время словарь BDAG, ориентированный на литературу эпохи Нового Завета, подчеркивает: «in our literature **one who has never engaged in sexual intercourse, virgin, chaste person**» (выделение принадлежит авторам словаря). Возможно, значение «of unmarried women who are not virgins», бывшее маргинальным уже в классическом греческом, и в самом деле исчезает к началу нашей эры. Если это так, то в какой точке траектории находится язык Септуагинты? Странно, что в своем детальном обзоре де Соуза не остановился подробнее на тексте, который, пожалуй, наиболее релевантен

⁶ Страбон цитируется по переводу Г. А. Стратановского с небольшими изменениями, внесенными автором статьи. Та же версия изложена у Полибия (*История* XII, 6b, 5), Юстина историка (*Эпитома Помпея Трога*, III, 4, 3) и Дионисия Галикарнасского (*Римские древности*, XIX, 2–4).

⁷ Попытки реконструировать социальные реалии, стоящие за преданием о парфениях, – см., напр., Qviller 1996, Печатнова 1998.

для анализа «самого известного слова в Септуагинте» – Быт 34: 1–4.

Дина, дочь Иакова от Лии, пошла посмотреть на местных девушек (евр. בנות הארץ букв. «дочери страны»; греч. τὰς θυγατέρας τῶν ἐγχωρίων букв. «дочери местных»). Шехем, сын хиввея (греч. «хоррея») Хамора, правителя этой страны, увидел ее и схватил, лег с нею и изнасиловал ее. И сердце его привязалось к Дине, дочери Иакова. Он полюбил эту девушку (ἠγάπησεν τὴν παρθένον). Он стал говорить этой девушке (ἠλάλησεν τῆς παρθένου) нежные слова. И сказал Шехем Хамору, своему отцу: «Возьми эту девочку (ἄραξον, τὴν παιδίσκη) мне в жены».

Слово παρθένος явно употреблено здесь в значении «of unmarried women who are not virgins»; это показывает, что язык Септуагинты ближе в данном отношении к классическому словоупотреблению, описанному в словаре LSL, чем к словоупотреблению новозаветной эпохи, которое описано в BDAG.

Греч. παρθένος, евр. אַרְבֵּי וְעַל וְסוּמְרֵי וְעַל וְסוּמְרֵי и современная лексикография

Традиционная лексикография оперирует дефинициями. Дефиниции четко очерчивают границы семантических областей, связанных с теми или иными лексемами. Объект либо входит в данную семантическую область, либо нет; все бинарно.

С 70-х годов прошлого века стал развиваться новый подход к описанию значений слов, в основе которого лежит «теория прототипов» Элеоноры Рош (см., напр., Rosch 1977). Суть этого подхода можно изложить словами из книги Лакоффа и Джонсона: «Люди категоризируют объекты не в теоретико-множественных терминах, а в терминах прототипов и семейного сходства. Так, маленькие летающие и поющие птички, например, воробьи, малиновки и т. п., – это *прототипические птицы*. Цыплята, страусы и пингвины – это тоже *птицы*, но не центральные представители этой категории, т. е. они относятся к *непрототипическим птицам*. Но они тем не менее *птицы*, потому что у них достаточно семейных сходств с прототипом» (Лакофф, Джонсон 2004, стр. 106, курсив мой – М. С.). Иными словами, значение слова определяется не через строгую дефиницию, а через указание (1) на прототипического представителя класса и (2) на то, как далеко может тот или иной объект отклоняться от прототипа, чтобы все-таки попасть в один с ним класс.

Такой подход к лексике может быть особенно полезен при анализе переводческой техники. В частности, в нашем случае, мы видим, что прототипические представители (точнее говоря, представительницы) категорий $\eta\mu\epsilon\lambda\lambda\omicron\upsilon$ и $\mu\alpha\rho\theta\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ практически идентичны. Для $\mu\alpha\rho\theta\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ характерен (особенно в послеклассических текстах) бóльший акцент на физиологической девственности – но см. примеры выше.

Выбор Септуагинты

Исследователям Септуагинты хорошо известно, что перевод Пятикнижия стал своего рода «словарем» для переводчиков последующих книг: сталкиваясь с редкими еврейскими словами, они следовали выбору переводчиков Пятикнижия⁸. При этом иногда ради следования «словарю» игнорировался новый контекст.

Если посмотреть с этой точки зрения на перевод Ис 7: 14, то мы видим, что «словарь» содержал ровно два прецедента, предлагая переводчику, соответственно, два варианта передачи евр. $\eta\mu\epsilon\lambda\lambda\omicron\upsilon$: $\mu\alpha\rho\theta\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ (Быт 24: 43–44) или $\nu\epsilon\acute{\alpha}\nu\iota\varsigma$ (Исх 2: 8).

Слово $\nu\epsilon\acute{\alpha}\nu\iota\varsigma$, однако, имеет оттенок «служанка» (собственно, именно так это слово и употреблено в Исх 2: 8). Этот оттенок, несомненно, плохо вязался с возвышенным образом из Ис 7: 14 – как бы не интерпретировал это место иудеоэллинистический переводчик. Считал ли он, что речь идет о рождении царя, мессии или пророческого сына, – слово «служанка» в переводе снижало бы общий тон пророчества. Выбор слова $\mu\alpha\rho\theta\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ позволял избежать этого.

Следует отметить один момент, благодаря которому в греческой версии Ис 7: 14 слово с акцентом на «девственности» не так дисгармонирует с контекстом, как это было бы в еврейской Библии. В еврейском тексте глагольная форма $\eta\eta\eta$ – это либо прошедшее время («зачала»), либо причастие со значением настоящего времени («беременна»). Глагольная форма $\eta\eta\eta$ – причастие со значением настоящего времени («рождает»). В греческом, однако, соответствующие глаголы стоят в будущем времени: «Вот, дева ($\mu\alpha\rho\theta\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$) зачнет ($\acute{\epsilon}\nu\ \gamma\alpha\sigma\tau\acute{\rho}\iota\ \acute{\epsilon}\xi\epsilon\iota$) и родит

⁸ Конкретные примеры влияния лексики Пятикнижия на греческий перевод Исайи см., напр., Thackeray 1903: 583; Ziegler 1934: 103. Общий взгляд на влияние греческого Пятикнижия на последующие переводы библейский книг – Tov 1999.

(τέξεται) сына» (а не «Вот, дева беременна и рождает сына», как это было бы при буквальной передаче еврейских глагольных форм). Можно понять греческий текст таким образом, что наименование παρθένος относится к моменту речи, а события, о которых идет речь – к будущему. При этом несовместимость значений «дева», «девственница» и событий «зачнет», «родит» оказывается сглаженной.

Вопрос трактовки еврейских видо-временных форм в греческом переводе Исаяи заслуживает, по большому счету, отдельной большой работы. Исследователями был высказан ряд гипотез о том, что смена временного плана при переводе 7: 14 (прошедшее-настоящее в евр.; будущее в греч.) была вызвана определенными теологическими соображениями переводчика (напр., Lust 2004).

Можно, однако, предложить и более простое объяснение: переводчик, опираясь на прецеденты в Пятикнижии как на свой «словарь», должен был выбирать между παρθένος и νεῆνις. От выбора слова νεῆνις, как мы предполагаем, он отказался из-за свойственных этому слову ассоциаций со «служанкой». В свою очередь, слово παρθένος, невзирая на приведенные выше примеры, все-таки обладало слишком сильными ассоциациями с девственностью в физиологическом смысле. Понимание событий «зачнет» и «родит», как относящихся к будущему времени, и соответствующий перевод (ἔξει, τέξεται) смягчали ощущение оксюморона.

Вряд ли переводчик предполагал, что принятое им решение (а Септуагинта Исаяи, на самом деле, полна весьма неординарными переводческими решениями) приведет к тому, что эти строки станут самым обсуждаемым и знаменитым местом во всем корпусе греческого Ветхого Завета.

Литература

- Aejmelaeus 2006 – Aejmelaeus A. Von Sprache zur Theologie: Methodologische Überlegungen zur Theologie der Septuaginta // *The Septuagint and Messianism* (Bibliotheca Ephemeridum Theologicarum Lovaniensium 195) / ed. M. A. Knibb. Leuven, 2006. P. 21–48.
- Barr 2005 – Barr J. The Most Famous Word in the Septuagint // *Studia Semitica: The Journal of Semitic Studies Jubilee Volume* (JSS Supplement Series 16) / ed. P. S. Alexander et al. Oxford, 2005. P. 59–72.
- BDAG – Greek-English Lexicon of the New Testament and Other Early Christian Literature (Bauer- Danker-Arndt-Gingrich). Chicago, 2000.

- Bonani et al. 1991 – Bonani G., Broshi M., Carmi I., Ivy S., Strugnell J., Wöflfi W. Radiocarbon Dating of the Dead Sea Scrolls // *Atiqot* 20 (1991). P. 27–32.
- Cooke 1903 – Cooke G. A. *A Textbook of North-Semitic Inscriptions*. Oxford, 1903.
- De Sousa 2008 – De Sousa, Rodrigo F. Is the Choice of Παρθενος in LXX Isa. 7:14 Theologically Motivated? // *Journal of Semitic Studies* 53/2 (2008). P. 211–232.
- DNWSI – Hoftijzer J., Jongeling K. *Dictionary of the North-West Semitic Inscriptions*. Leiden, 1995.
- Jull et al. 1995 – Jull A. J. T., Donahue D. J., Broshi M., Tov E. Radiocarbon Dating of Scrolls and Linen Fragments from the Judean Desert // *Radiocarbon* 37 (1995). P. 11–19.
- LSL – *A Greek-English Lexicon* (Liddell – Scott – Jones). Oxford, 1996.
- Lust 2004 – Lust J. Septuagint Christ Preceding Jesus Christ? Messianism in the Septuagint Exemplified in Isa 7,10–17 // *Messianism and the Septuagint: Collected Essays* (BETL 178) / ed. K. Hauspie. Leuven, 2004. P. 211–26.
- Qviller 1996 – Qviller B. Reconstructing the Spartan Partheniai: Many Guesses and a Few Facts // *Symbolae Osloenses: Norwegian Journal of Greek and Latin Studies* 71/1 (1996). P. 34–41.
- Rösel 1991 – Rösel M. Die Jungfrauengeburt des endzeitlichen Immanuel // *Jahrbuch für biblische Theologie* 6 (1991). S. 135–51.
- Rosch 1977 – Rosch E. Human categorization // *Advances in Cross-Cultural Psychology*, Vol.1 / ed. N. Warren. London, 1977. P. 1–49.
- Sissa 1990 – Sissa G. *Greek Virginity* (trans. A. Goldhammer). Cambridge MA, 1990.
- Thackeray 1903 – Thackeray H. St. J. The Greek Translators of the Prophetic Books // *The Journal of Theological Studies* 4 (1903). P. 583.
- Tov 1999 – Tov, E. The Impact of the Septuagint Translation of the Torah on the Translation of the Other Books // *The Greek and Hebrew Bible: Collected Essays on the Septuagint* / Ed. Emanuel Tov. Leiden 1999. P. 183–194.
- Tov 2008 – Tov E. The Text of Isaiah at Qumran // *Tov E. Hebrew Bible, Greek Bible, and Qumran. Collected Essays* (Texts and Studies in Ancient Judaism 121). Tübingen, 2008. P. 42–56.
- Ziegler 1934 – Ziegler J. *Untersuchungen zur Septuaginta des Buches Isaia* (ATA 12.3). Münster 1934.
- Лакофф, Джонсон 2004 – Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем* (пер. с англ.). М., 2004.
- Печатнова 1998 – Печатнова Л. Г. Спартанские парфении // *Античный мир. Проблемы истории и культуры. Сборник научных статей к 65-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова* / под ред. И. Я. Фроянова. СПб., 1998. Стр. 172–186.
- Шифман 1980 – Шифман И. Ш. *Пальмирский пошлинный тариф*. М., 1980.

M. G. Seleznev. The most famous word in the Septuagint

The article deals with the “most famous word in the Septuagint” (J. Barr) – *παρθένος* translating Hebrew *הַלְוָיָהּ* in Isaiah 7:14. The author concurs with those who suggest that the semantic difference between the two words was greatly exaggerated in the two thousand years dispute between Jews and Christians.

A model of lexical analysis based on the Prototype theory (Eleanor Rosch and others) is suggested to be more appropriate for studying semantic relationship between an original text and its translation than the traditional one. It is claimed that the prototypical meanings of the words *παρθένος* and *הַלְוָיָהּ*, as far as we can judge from our corpora, almost coincide.

Using the Greek Pentateuch as a kind of “Hebrew-Greek dictionary” the translator of Isaiah had to choose between two possible translations for the Hebrew *הַלְוָיָהּ* : *παρθένος* and *νεᾶνις*. The factors that might affect his choice are investigated. Probably, the word *νεᾶνις* was rejected because of its associations with the concept ‘servant’. The choice of *παρθένος* may have influenced the rendering of the Hebrew tenses by the Greek in Isaiah 7: 14.

Keywords: The Bible, the Septuagint, the Hebrew language, the Greek language, translation, Isaiah, the Gospel of Matthias.